

Галина Перевалова

Моя малая Родина
Воспоминания

МБУ «ЦБС»
городского округа Красноуральск
Библиотека-филиал № 3.
Адрес:
624330. Свердловская область
г. Красноуральск
ул. Я. Нуммура, д. 6.
Телефон: (34343) 2-53-10
e-mail: gora-biblio3teka@ya.ru
Редакция, дизайн и печать: Шмелева Т.В.

Я живу в Красноуральске, за плечами сорок шесть лет медицинского стажа. Мое детство прошло в деревне Боровой Свердловской области. Этой деревни уже нет, но остались в памяти годы жизни нашей многодетной семьи: голодное послевоенное детство, полная лишений юность. Мне давно хотелось рассказать о предках, живших на Урале и прошедших со страной суровые испытания коллективизации и мировых войн.

Выражаю благодарность библиотекарю Татьяне Шмелевой за помощь в публикации моих воспоминаний.

Перевалова Г.А.

П 27 Моя малая Родина: воспоминания / МБУ «ЦБС» городского округа Красноуральск, Библиотека-филиал № 3. – Красноуральск, 2018. – 27 с.

Я часто вспоминаю свою родину, деревни уже нет с семидесятых годов прошлого века. Осенью 2017 года я ездила в те места. На средства, собранные бывшими жителями деревни Боровой года два назад установили памятный знак, на котором можно прочесть стихи – признание в любви к малой Родине:

Здравствуй земля, где деревня была Боровая!
Здравствуйте все, кто пришел ее память почтить!
Здравствуй синее небо без дна и без края,
Здравствуй воздух медовый, который так хочется пить!

Мы приехали всем и всему поклониться:
Деревенскому лесу и речке, и лугу без края,
Людам, что этим пришли насладиться,
Здравствуй, здравствуй, деревня моя Боровая!

Я и двоюродная сестра Нина Шмакова

Племянница Света

Я помню, как мы с ней ходили в библиотеку кинотеатра «Луч». Брала детские книжки, сказки Пушкина. Тогда книг для детей было немного. Я только приходила домой, а Света с книжкой уже мчалась ко мне, чтобы ей почитали. Петр сделал ей маленький вязальный крючок, мы научили ее вязать, и она из ниток вязала наряды для пупсика. Его ей подарила Валя, пупсик был маленький, но у него двигались ручки и ножки. Когда племянница поехала домой, то забрала своего пупсика и его приданное. Еще она любила тайком рисовать карандашами на светлых полосках половиков, везде были цветочки, домики... Она не хотела уезжать и долго плакала, когда мы с Валею пришли ее провожать на поезд. И только успокоилась, когда ей повязали на голову бабушкин платок.

Моя малая родина

Моя малая родина – маленькая деревушка Боровая. Сейчас этой деревни нет. Деревня Боровая была основана около 400 лет назад на берегу реки Тагил. Та часть деревни, где я жила, была односторонней и отклонялась под углом от берега реки.

Деревня Боровая

От нас через дорогу были парники, росли черемухи. За парниками небольшое озеро, дальше поле, луг, а дальше правее большое озеро. Из озера вытекал ручей и впадал в реку. Вода в этом озере была темная, там водились пиявки, на длинных стеблях летом расцветали желтые и белые цветы, желтые мы называли кувшинками, а белые лилиями. В центре озера был остров, который мы называли мысом, этот мыс в одном месте соединялся с лугом и с трудом, но туда можно было перебраться. На острове были деревья: черемухи, боярышник, мы его называли «тарновник». В озере водились караси, мы с братом Виталием ловили этих карасей. Я сидела на берегу, а он рыбачил. Потом мы этих карасей жаривали на сковороде с яйцом.

Весной, когда таял снег и был ледоход, деревня стояла почти со всех сторон окруженная водой, озеро соединялось с рекой, вода доходила до парников. Ивы, черемухи, которые находились на берегу реки, стояли в воде. До сих пор я помню, какое интересное зрелище представало перед глазами, когда весной, а это случалось накануне 1-го мая, лед таял, ломался и его несло. Лдины налетали друг на друга, с шумом рассыпались. Этот шум был далеко слышен. Мы всегда прибегали на берег и наблюдали за тем, как река несла лед и перед нами проплывали ледяные проруби, бревна, дороги и т.д.

Река Тагил

В деревне было четыре семьи Переваловых: дед Петр по отцовской линии, Александр Иванович, которого мы называли дядей, но он был нам не дядя, дедушке Петру он

началась практика, им платили какие-то небольшие суммы. И эти небольшие деньги 7-8 рублей он ходил получать вместе с мамой на Стройгородок. Работать пошел на стройку рано, в 16 лет. Я помню, как где-то незадолго перед армией брат вдруг надумал куда-то уезжать, а его не отпускали из военкомата, он взял с собой маму, чтобы она ему помогла. Она зашла к военкому одна и, напротив, попросила, чтоб ни в коем случае его не отпускали, так и получилось. В мае 1968 года мы проводили его в армию, ему было 19 лет. У него осталась девушка. Для нас оказалось полной неожиданностью, что в первых числах октября она родила. Он нам написал в письме, чтобы мы позаботились о Капе и о ребенке.

Я хорошо запомнила этот день. Был ужасный холод, это был День конституции, 5 декабря. Я с Кушайки приехала к сестре Капы, которая с семьей жила по улице Вокзальной, недалеко от старого горсовета. Мы взяли двухмесячную малявку Свету, хозяйственную сумку, собранную Капой, и пошли на остановку. Капа работал санитаркой в инфекционной больнице, возвращалась домой во второй половине дня. Вот так и нянчились со Светой два года, в основном пришлось поводить своей маме. Потом брат пришел из армии и увез семью в Киргизию. Мы с Валею побывали у брата в гостях, из второй поездки привезли Свету на целый год перед школой. Потом Аркадий ее забрал, чтобы отдать в первый класс.

учебы в школе, он стал гоняться за отцом. Я уже в то время училась в другой деревне в семилетней школе, а Аркадию надо было ходить в Кокшарову в первый класс. Мама отправит его в школу, а он бежит к отцу. После долгих мучений мама отвела его к отцу в надежде, что, находясь там, сын будет учиться. Когда я закончила 10 классов, Аркаша опять стал появляться у нас, у него болели ноги, пятки трескались. Он целыми днями ухаживал за лошадьми, вместо отца пас их. Мама распаривала и смазывала ему трещины, со сродным братом отправляла ему в поле бутерброды. Спать ему приходилось где-то в завозне у отца, он, наверное, боялся, ведь ему было лет 11-12, не больше. Когда я поступила учиться в училище, он перешел жить снова к маме. Маме дали пенсию в 50 лет, она уже перестала работать. Я еще не успела окончить первый курс, как мои братья перевезли маму на жительство в Красноуральск, купили избу по улице Хлебная. Денег своих не хватило, взяли недостающую сумму у дяди Павла. Аркадия после окончания учебного года мама тоже привезла в город на Кушайку. Осенью он поступил учиться в строительное училище, которое располагалось на Стройгородке. Его взяли с испытательным сроком, но так как он был деревенским и с детства умел в руках держать и топор, и молоток, то быстро освоился и стал одним из лучших учеников. Еще он продолжил учиться в школе рабочей молодежи. Первое время ему, скромному деревенскому парню, было трудно, в школе у него украли шарф и шинель, которую мама подогнала по росту. Его стал опекать какой-то парень с Кушайки, они вместе учились в училище. Когда

был братом. Дальше мы, потом семья дяди Дмитрия, брата отца. Другие жители носили фамилии Третьяковых, Осиновых, Чувашовых.

У деда Петра было четыре жены, я их не знала, но слышала, что три жены умерли, одна не стала с ним жить. Последнюю я помню. Ее звали Мария Борисовна, мы же все, и взрослые и дети, звали ее просто «Борисовна». Борисовна обладала твердым характером и зычным голосом. Она была мощнее и выше небольшого и щуплого дедушки Петра. Когда Борисовна выходила в огород, то ее голос был слышен на ферме, которая находилась за деревней. У Борисовны была больная нога и, если заболевание обострялось, то деду приходилось в любую непогоду бежать в районную аптеку в село Махнёво, это находилось примерно в 10 километрах от нашей деревни. Дед во хмелю был вздорным и, очевидно, поколачивал своих жен, но Мария Борисовна ему не поддавалась. Она была очень чистоплотной. Так для стирки белья она делала щелок, высушенное белье гладила вальком – плоской ребристой палкой с ручкой. Наша семья жила в другой половине дома, за фанерной перегородкой, и мы иногда слышали, как бабушка Мария прокатывала вальком белье.

У деда было четверо детей от одной жены, в том числе мой отец, а еще трое от других жен. У меня сохранилась фотография тети Августы, она была настоящей красавицей, но это не принесло ей счастья. Мужчины, которые ей попадались, были то хулиганами, то «тюремщиками».

У нее было три сына. Августа умерла не старой, сейчас из детей остался только один, но неизвестно, где живет и чем занимается.

Я помню дядю Дмитрия. Он был долго в армии, вначале на действительной службе, а потом началась война. Дядя был веселый, любил шутки, прибаутки. Когда мы девочками-подростками работали на дальнем покосе, он нас интересно по утрам будил. Вначале тихонько, а потом все громче и громче произносил: «Девки, вставайте, девки вставайте...». Ради шутки одевал шляпу, черные очки, брал гитару и пел частушки. Вставать же надо было действительно рано, часов в 6 утра, мы брали косы и шли подкашивать по росе неудобные для конной косилки места, около кустов, в низинах и т.д.

А потом мы возвращались на стан, отдыхали, обедали и после уже сгребали сено, возили копны, которые делали мужчины. Другие взрослые опытные мужчины скирдовали сено, делали длинные большие зароды. Когда мы возвращались на стан, нас встречала песня, я до сих пор помню слова этой народной песни: «Ты постой, постой, красавица моя, дай мне наглядеться радость на тебя». На стане был патефон с одной пластинкой, какая песня была на другой стороне ее, я не помню. У дяди Дмитрия было двое детей: Николай и Нина. Нина сейчас живет в селе Махнево, ее фамилия по мужу Шмакова. Там же живет ее дочь Лариса с семьей. Уже будучи женатым, двоюродный брат Николай потерялся, и никто не знает, что с ним случилось, его так и не

Помнила мама и гражданскую войну. Она была девочкой, когда был голод в центральной России, люди оттуда бежали на Урал. Ее сажали у окна, и она каждому налиwała молоко. Хлеб был нарезан ломтями в большое решето, оно больше, чем сито. Из-за сыпного тифа беженцев запрещено было впускать в дом, разрешали им пользоваться баней. Когда раздавалась канонада, то она спрашивала: «Тятя, кто это стучит большими тяжелыми воротами?» Взрослые прятали домашний скот, лошадей. Однажды мама сидела у окна взаперти. Прискакали конные вооруженные люди, кричали, чтобы она открыла ворота, а она испугалась, заплакала и спряталась под лавку.

Младший брат Аркадий с мамой

Мой брат Аркадий, как и я, в детстве хорошего ничего не видел. После ухода из семьи отца, он некоторое время жил с нами, потом с отцом, снова с нами. Когда же наступила пора

Мама Ольга Ивановна, брат Виталий, Петр,
бабушка Анна, во втором ряду сестра Валя.

Мама, Василиса (жена брата дедушки), Анна (жена младшего брата деда) были хорошие певуны и иногда они собирались вечером и пели русские старинные песни: «На муромской дорожке», «По диким степям Забайкалья», «Вы не вейтесь, русые кудри» и др. Дед Петр участвовал в Первой мировой войне, его даже взяли в плен и он там был года два. После той войны у родителей мамы жил в работниках пленный австриец. Он в выходные дни не работал, играл на губной гармошке, наряжался и гулял по деревне. Он смастерил себе деревянную кровать с точеными ножками. Потом он вернулся на родину.

нашли. У Нины в детстве были очень интересные волосы, цвет каштановый, толстые, как проволока, волнистые. Я никогда ни у кого не встречала такой шевелюры. Дед-то был рыжий. С дедом у меня связаны какие-то юмористические воспоминания. Однажды он упал с полатей, где спал и, как он потом рассказывал, ему приснилось, что он перепрыгнул через забор. Еще случай: утром бабушка Мария зашла в горницу, где дед спал, и ее чуть не хватил удар. По всей комнате лежали комья земли, а рядом с кроватью валялся вырванный с корнем фикус. В этот раз ему снилось, что он с кем-то подрался. Цветок же стоял близко около кровати. Сестра Валя вспоминала, что дед, выпив браги, скандалил (это было еще до Борисовны). Тогда самовар вылетал в окно, блюдца вслед за ним. Моя старшая сестра Валя ходила к дедушке и просила, свою тетю (дочь дедушки) тоже Валю показать, как дед склеил блюдца, покупать-то их было не на что. Самовар выпрямляли, чинили и все опять шло своим чередом.

В деревне были коровник, свинарник, телятник, также конный двор, держали овец. Иногда держали кур, гусей. Когда привозили цыплят из инкубатора, мы, девчонки, шли в контору, брали себе на колени эти желтенькие комочки. Еще в деревне у нас была колхозная звероферма, держали чёрно-бурых лисиц. За лисами ухаживал наш дед. Я бывала там, где в клетках сидели лисы. Там ужасно пахло. Для лис выделяли продукты – муку, мясо. Бабушка Мария пекла вкусные булочки, но нас не угощала, любимицей у нее была Нина.

В то время мы жили в половине вместе с дедом. Дом был большой. Когда отец нас оставил, старшая сестра Валя жила в Красноуральске, брат Петр был в армии, Виталию исполнилось четырнадцать лет, мне восемь, а младшему Аркадию три с половиной года. Это было летом. Я помню, как мы с мамой пошли в деревню Перевалову в сельский совет. По дороге мама остановилась в соседней деревне с какой-то знакомой ей женщиной, они разговаривали о произошедшем в нашей семье, я стояла в сторонке и плакала от обиды на отца. Тогда мы целую неделю даже есть ничего не могли. Обида на отца прошла постепенно с возрастом. Как-то я прочла книгу Лазарева «Диагностика кармы» и, буквально, в течение недели переболела эту обиду. Помню, когда я училась в 10-м классе, все в деревне говорили, что отец в районе купил мне два платья. Мне было очень неприятно, когда на школьный вечер, посвященный Дню Победы, моя одноклассница и племянница новой жены отца пришла в одном из них. Так мне и не достались обновки даже в честь окончания школы. Я не могла спокойно видаться с отцом. Иногда, случайно, мы встречались с ним на улице, и он пытался о чем-то заговорить со мной, я односложно отвечала, прибегала домой и плакала.

О прошлом отца знаю со слов близких. После окончания весенних полевых работ колхозники из нескольких деревень собрались на массовое гуляние на берегу реки Тагил. Но в разгар гуляния было сообщено, что началась война. Все побежали по домам, «бабы» заголосили.

ноги лимфангиому. Так почти всю жизнь моя мама проходила в кирзовых сапогах. Когда мы переехали жить в Красноуральск, маме сшили сапоги из натуральной кожи в здешней сапожной мастерской. В детстве мама пела в церкви на клиросе. Выйдя замуж, она в первую очередь всем мужчинам, родственникам мужа, сшила рубашки. Обшивала всю семью и даже иногда шила людям.

Отец Афонасий и мать Ольга в 30-е годы

Семья отца была очень бедной. Образование у мамы было начальное, но в войну она обучала всю деревню первой медицинской помощи. Она до старости помнила названия суставов и костей человека.

Когда началась коллективизация, семью бабушки раскулачили. Забрали все: плуги, бороны, лошадь, корову, домашнюю мебель, даже тюки ткани унесли. Муж тети Елеканиды Степан Плюхин выкупил на распродаже венские стулья, что были конфискованы у родителей мамы. Эти стулья вначале были в семье тети Елеканиды, потом в семье тети Ии. Ее сын хотел их выбросить, я взяла себе два, до сих пор они стоят на кухне.

Отец мамы поехал работать на лесозаготовки и там пропал без вести. Бабушка пыталась что-то прояснить о его судьбе, съездила туда, но ничего не узнала. Старшая сестра Елеканида рано вышла замуж и вскоре уехала с мужем на строительство медеплавильного завода. Вскоре тетя Ия и дядя Павел еще детьми переехали к старшей сестре. Ия долго была нянькой. Мама после замужества недолго жила в Красноуральске, который тогда еще назывался по-другому. Осенью 1931 года там родилась Валя. Отца должны были забрать в армию и в 1932 году молодая семья с ребенком вернулась обратно в деревню.

Мама еще в детстве повредила ногу, началось заболевание, которое прогрессировало и мучало ее и всю жизнь, даже операция в подростковом возрасте не помогла. В ноге периодически возникало воспаление, появлялась краснота, поднималась высокая температура. Мама не могла даже вставать с постели. Она была на обследовании в Свердловске, но никто ей не помог. Только наш хирург Пузанов Иван Яковлевич удалил частично на бедре больной

В первые дни войны забрали лошадей, оставили только старых, не годных. Ушли на фронт парни и мужчины, в числе которых был и мой отец. Он служил в артиллерии и был тяжело ранен, долго лежал в госпитале, а потом ходил на костылях. Я думаю, что это был 42-й год. Работал председателем в деревне Ложкина, но в марте 1944 года был снова призван и отправлен на фронт. Сестра Валя рассказывала, что мне было отроду одна неделя и я лежала на подушечке. Мама осталась уже с четырьмя детьми, некоторое время у нас жила ее мать, бабушка Анна.

Отец. 1945 г.

Отец не погиб как другие и вернулся домой. Примерно в 1950 году бабушка уехала к сыну Павлу в Красноуральск.

У меня на свидетельстве о рождении есть интересная пометка: выдано 10 метров. Это было выдано 10 метров ситца в связи с моим рождением. В то время ничего невозможно было купить, да и не на что.

После того, как отец от нас ушел, мы поменялись жильем с дядей Дмитрием. Мы переехали в маленькую избушку, а дядя в половину к деду. Сестра Валя перебралась из деревни в Красноуральск в 1950 году. Петр до армии работал в геологоразведке на Горе Корабейникова, а после тоже уехал в Красноуральск. В то время там жили наши родственники: мамины сестры Елеканида и Ия, брат мамы Павел, все со своими семьями.

О детских годах у меня остались отрывочные воспоминания. Помню, в прихожей, когда еще мы жили с дедом, висела зыбка, наверное, Аркадия. Нашу деревню пересекала речушка, которая вытекала из леса и впадала в реку Тагил. В этой речке Аркадий со своим двоюродным братом Колей делали запруду. Это было летом. У Аркаши были короткие штанишки и полосатая рубашка, сшитые мамой, причем все в единственном экземпляре. Через некоторое время игры, брат возвращался домой весь в зелени и тине. Приходилось все стирать и сушить. Аркадий всегда верховодил над мальчишками, даже когда мы уже жили в Красноуральске, к нему ходили ребята со всего района. Это его и сгубило, он прожил всего 47 лет.

У нас в деревне летом работал детский сад. Некоторое время там работала мама. Помню, как мне Петр смастерил

Большая часть воспоминаний связана с моей мамой, ее нелегкой судьбой. Мама, в девичестве Шмакова, родилась в деревне Анисимова, что недалеко от Махнево. Кроме нее в семье было две сестры – Елеканида и Ия, и брат Павел. Еще один мальчик умер в младенчестве. Отца мамы звали Иван Акимович (Екимович), а в свидетельстве о ее рождении отчество отца написали Яковлевич, возможно, где-то напутали. Мать мамы звали Анной Потаповой, была она родом из деревни Гора Корабейникова. Сестра Валя рассказывала, что в детстве с братом Петром дразнили бабушку: «Бабушка Потаповна потаптывается». Мама рассказывала, что у бабушки Анны в молодости была любовь, его звали Селиверстом. Они с ним поклялись в любви друг другу и обменялись то ли кольцами, то ли чет-то другим, но жизнь распорядилась по-своему. Его взяли в армию, на 7 лет, а бабушку выдали замуж.

Бабушка Анна и дед Иван

разденемся до купальников и зайдем в воду. Мы разделись. Он тоже разделся, мы взглянули на него и ахнули: все его тело было покрыто черными волосами. Время было такое, мы раздетых мужчин не видели, нам было по 18 лет. Мы пошептались, похихикали потихонечку. Еще нас вводил в краску рассказами из своей врачебной практики преподаватель по кожным и венерическим заболеваниям. Он говорил, что о болезнях мы прочитаем в учебниках, а о жизни он нам расскажет. Однажды мы пришли на практику в вендиспансер группой из 8 человек на обычный прием, который вел наш преподаватель. Больных, которые были у кабинета, как ветром сдуло, остались самые стойкие. Там же нужно было показывать свои мужские органы. Приходилось присутствовать во время операций, мне запомнился случай, когда оперировали женщину с разрывом трубы при внематочной беременности. Очень опасное осложнение, промедление грозило большой потерей крови и гибелью. В нашем случае женщину спасли, извлекли плод, он поместился во флакон из пенициллина, мы залили его спиртом. Что интересно, у плода уже можно было различить части тела: голову, руки, ноги, туловище.

Годы учебы прошли быстро и началась новая трудовая жизнь. Где мне только не пришлось работать: в школе, в детском саду, на детской даче, в пионерском лагере, в поликлинике на детском глазном приеме, в бактериологической лаборатории. В общей сложности мой медицинский стаж составил 46 лет.

кроватьку для куклы из толстой медной проволоки. Я принесла эту кроватьку в детсад, вместе с ней самодельную куклу и приданное для нее. После тихого часа я эту кроватьку больше не видела. Я даже не успела поиграть с ней. Игрушек не было. Однажды в детсад привезли игрушечных черепашек, они были заводные, заводись ключиком и черепашка бежит. Я уже ходила в школу, зашла к маме и долго играла.

Еще помню, как пригласили родителей с детьми в правление колхоза и стали делать какие-то прививки под лопатку. Было больно, но на мамин вопрос больно ли мне, я ответила, что нет, и отвернулась, чтобы не было видно слез.

Однажды в садике мы случайно узнали, что нам будут делать прививки. Мы сбежали и спрятались у нас на сеновале. Мы видели, как нас искали во дворе и в огороде. Посидев на сеновале, мы стали спускаться вниз по приставной лестнице. Вот тут и начались проблемы. Сеновал был высоко, между перекладинами лестницы были широкие промежутки, рассчитанные на взрослых. Мы-то были привычные, а другие дети спускались с ревом. А искала нас Лукерья, которую в деревне называли Лукией. Она была не совсем здорова психически. Я даже видела, как однажды она глотала живьем мальков. Еще могла с чужого двора стащить дрова. Мама мне рассказывала, что однажды, когда Виталий был маленький, она его напугала: среди ночи прибежала с криком, что где-то волк задрал то ли теленка, то ли ягненка. Валя рассказывала, что Виталий в детстве был светленький, всего боялся. Когда Валя с Петром куда-то уходили со двора, он хотел с ними,

но через подворотню боялся перелезть и со слезами оставался дома.

Мне очень хотелось идти в школу, а я была очень маленькая, родители хотели меня оставить еще на год, чтобы я подросла, я же с вечера договорилась с ребятами, которые ходили в начальную школу. Они мне сказали, чтобы я рано встала и шла к ним. Утром, когда мама пошла управляться по хозяйству, я ничего никому не сказав, ушла к ребятам. Представляю, в каком виде я была. У меня ничего не было: ни ручки, ни тетрадки, никакого учебника, ни даже сумки. Сумки тогда шили в виде мешка из плотной материи с лямкой через плечо. Школьная форма появилась у меня, наверное, в классе 5-ом. Мы писали перьевыми ручками, носили с собой. стеклянные чернильницы-непроливайки. Но чернила из них все-таки проливались, и мы все ходили с чернильными пятнами на руках, тетрадках и даже сумках.

Однажды на перемене меня окружили ребята и сказали, что мое лицо все в красных пятнах. Я помню, что утром чувствовала себя плохо, но никому ничего не сказала, рано встала и ушла в школу. Школа была примерно в 4-х километрах от нашей деревни в Кокшаровой. На следующей перемене моя соседка по парте покрылась такой же сыпью. Нас с ней увели в учительскую. Вызвали фельдшера, сунули подмышку градусники. Я помню, как мы с ней сидели на столе рядышком и болтали ногами. Нашли подводу, возницу и нас на санях повезли домой. Видимо, было очень холодно, а мы с высокой температурой. По дороге захотели попить, но

нагоняй от комендантши. У Тамары был рост 172 см, в то время для девушки это было слишком, она всегда носила обувь без каблуков. Иногда при входе в кинотеатр молодые люди, столкнувшись с ней в дверях, шутя, предлагали ей померяться ростом. Она смущалась и краснела. Однажды мы из окна 2-го этажа облили из графина местных ребят, что гурьбой иногда приходили в наше общежитие. Они запомнили окно и прорвались наверх, а мы закрыли дверь на ключ, выключили свет и дрожали от страха.

Студентка. Нижний Тагил. 1964г.

В училище занятия были парами, то есть 2 часа по одному предмету, урок физкультуры тоже длился два часа. Физрук был строгий, если пропустишь занятие, то его надо было «отрабатывать» с другой группой. Форма была – черные сатиновые трусы (сами шили) и футболки с короткими рукавами. Во время весенней сессии физрук пригласил нас на пруд, он сказал, что поставит зачет по плаванию, если мы

кроватей ничего не было. Отопление было. Холодная вода на первом этаже, там же была кухня с большой плитой, ее топили то ли углем, то ли дровами. Мы там кипятили чай и иногда что-то варили. У нас был общей кошелек, после получения стипендии мы складывались. Эти деньги мы тратили на еду, кино, транспорт. Когда мы ездили на поезде домой, то в целях экономии покупали билет до Баранчи или Сан-Донато, а ехали дальше до Верхней Туры, там выходили Клава и Тамара, мне же еще нужно было 30 копеек до Красноуральска и 5 копеек до Кушайки. Помню, как во время зимней сессии мы долго лежали в кроватях, читали учебники, потом собирались и шли на обед в столовую. В это время на столах всегда лежал чеснок, так как был грипп. Мы тайком брали несколько зубков чеснока и прятали в кошелек, покупали булку черного хлеба на ужин. Иногда мы стояли на улице в очереди, чтобы сдать пустые стеклянные банки из-под капусты, что привезли из дома. Обычно стояли все троем за компанию, потом шли в магазин и что-нибудь покупали съестное. В то время было много рыбы холодного и горячего копчения, развесной кильки, готовой к употреблению. На практику ездили в холодных трамваях, тогда сами бросали в кассу деньги и отрывали билеты. Мы опять старались схитрить и вместо 9 копеек бросали 5 мелочью, отрывали 3 билета. Кинотеатр «Мир» был в пяти минутах ходьбы от нашего общежития. Мы брали билеты по 20 копеек на первый ряд на 10-ти часовой вечерний сеанс. Кино заканчивалось в начале двенадцатого, а общежитие закрывалось в одиннадцать часов. Приходилось выслушивать

не удалось, молоко в бутылке замерзло. Оказалось, что мы заболели корью. Болела я долго, лежала в кровати и мне все мешало: шум, звуки, свет лампы. Аркадию для профилактики поставили гамма-глобулин.

В школьные годы было много приключений. Однажды осенью мы пошли в школу, зарядил дождь, нам удалось пройти около километра пути и мы все насквозь промокли и замерзли. Решили схитрить, сели в стог сена, погрелись и договорились, что вернемся домой и скажем, что уроков не было и что нас отпустили домой, так и сделали. А на следующий день нас вызвали в учительскую и долго стыдили.

Еще один был случай: река уже начинала чуть-чуть покрываться льдом, а мы переправлялись на плоту из Кокшаровой в Ерзовку, где я уже училась в семилетней школе. Один мальчишка поскользнулся и упал с плота в воду. Я до сих пор удивляюсь, как он тогда не утонул, река в том месте была глубокая. Пока мы добрались до школы, он превратился в ледышку. Как-то осенью мы из Ерзовки возвращались из школы домой. Не дождавшись плота, мы сняли обувь и чулки и пошли вброд. Кто-то из ребят знал о его существовании. Однажды весной река разлилась, нас кто-то перевез через реку в своей деревне, и мы пошли вкруговую в Ерзовку. Дойдя до ближайшей деревни, попали под дождь, и пока мы добрались до школы, все промокли. Надо было писать контрольную работу, то ли диктант, то ли изложение. Мы долго обогревались около печки-голландки. В 8-м классе я пошла в Махнево одна из деревни, все уже бросили учиться.

Там класс был большой. После весенних каникул учитель-практикант дал нам очень сложную контрольную работу по физике или по алгебре. Я долго билась над задачей, ее решила, а на пример не хватило времени. Всем поставили двойки, но в журнал их не занесли, а мою поставили. Я училась хорошо и мне эта тройка не понравилась. Когда я закончила 8-й класс, в селе Кишкинское, что находилось от нашей деревни примерно в двух километрах, на другом берегу реки построили 2-х этажную школу-десятилетку. В 9-й класс я пошла туда, но учиться не пришлось. Я стала болеть бесконечными простудными заболеваниями, замучили ячмени сразу по 2-3 на глазах. Помучившись так месяца два, я поехала в Красноуральск нянчиться с племянником Сергеем, сыном брата Петра. Так решила мама. Брат с семьей жили в двухэтажном деревянном доме по улице Калинина на втором этаже. Там был один туалет на весь этаж. Отопление было, а про воду я что-то не помню, была она или нет. В маленькой комнате, что они занимали, занавеской был огорожен закуток. Там я кипятила чайник и варила суп. Жена брата Шура, будучи беременной, приходила с завода на обед. Она работала крановщицей. У нее был ужасный токсикоз. Съев суп, она шла в туалет, и у нее все выходило обратно. Сережа, с которым я нянчилась, был ужасным ревой, да я и не была готова быть нянькой. Летом я вернулась обратно в деревню, а осенью пошла снова в школу в 9-й класс. У нас был хороший класс, нас было совсем немного, всего одиннадцать человек. Своего классного руководителя мы уважали, но он нас иногда за что-то «пропесочивал». Я помню, как Саша Тычкин,

веселый веснушчатый со светлыми кудрявыми волосами, говорил про него после очередного разноса: «Хороший мужик Виктор Федорович». Не так давно я узнала, что из нашего класса уже нет в живых четырех человек.

Два года пролетели быстро, после 10-го класса я поступила в медучилище города Нижнего Тагила. Я до сих пор удивляюсь, как я поступила. Поехала одна в большой незнакомый город, нашла училище, сдала экзамены, но не догадалась даже посмотреть, поступила я или нет, конкурс был большой. Но накануне учебного года мне пришла открытка, что нужно ехать на картошку. Два года подряд мы ездили убирать картошку, жили и на квартире, и при клубе в неотапливаемом помещении без воды и туалета. Но выжили. Учеба прошла быстро, хотя было нелегко, так как помогать мне было некому, я получала стипендию 18 рублей. У мамы была пенсия 31 рубль. Из дома привозила лук, картошку. В медучилище мне дали место в общежитии. Жить пришлось в холодной комнате около неотапливаемого туалета, температура иногда не поднималась выше десяти градусов. Перед учебой я сама сшила себе юбку из школьной формы, блузон мы с мамой смастерили из лоскутка полушерсти, оставшегося от Валиного платья. У меня даже не было теплой кофточки, теплого белья, зимой ходила в ботиночках со шнурочками, там внутри кроме сукна ничего не было. На 2-м курсе я уже жила на втором этаже, вместе со мной жили еще две девушки из Верхней Туры, Тамара и Клава, а всего нас было шесть человек в комнате. Там кроме шифоньера и